

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ЭМИГРАНТОВ В 1920—1950-Е ГОДЫ

Елена Евлампиевна АУРИЛЕНЕ, канд. ист. наук, проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФПС РФ

За последние полтора десятка лет отечественная историография пополнилась внушительным количеством публикаций на тему русской* эмиграции в Китае. Исследованы разнообразные аспекты проблемы, появились работы обобщающего, историографического и источниковедческого характера. С середины 90-х годов прошлого столетия популярность приобрела тема адаптации эмигрантов, названная на симпозиуме московских ученых (1994) «глобальной проблемой исторической науки»¹. В связи с этим в лексикон историков прочно вошел термин «диаспора», вокруг которого до сих пор ведутся теоретические дискуссии².

Проблема адаптации русской диаспоры в Китае нашла отражение в ряде комплексных исследований, увидевших свет в последние годы. Так, например, дальневосточный сюжет присутствует в монографии И.В. Сабенниковой «Российская эмиграция (1917—1939): сравнительно-типологическое исследование», рассматривающей качественные и количественные параметры основных русских диаспор в странах Западной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки³. Вопросы адаптации русской эмиграции в Китае представлены в диссертационных исследованиях М.А. Павловской, Н.В. Гончаровой, С.А. Черкашиной и др.⁴

Названные работы в той или иной степени отражают наметившуюся в отечественной историографии тенденцию представлять русскую диаспору в Китае «своеобразным государством в государстве» (И.В. Сабенникова), неким замкнутым анклавом, обладавшим «полной автономией» (Н.В. Гончарова) и т. п. Думается, данная тенденция вызвана главным образом тем, что опыт крупнейшей из эмигрантских колоний — маньчжурской — экстраполируется на историю русской диаспоры в Китае в целом. Об этом убедительно свидетельствует и монография белорусского исследователя Н.Е. Абловой «История КВЖД и российской эмиграции в Китае», которая, на взгляд автора, является одним из интереснейших научных трудов на тему русской дальневосточной

* В эмигрантской литературе, в зарубежной, а зачастую и отечественной историографии термин «русская эмиграция» употребляется для обозначения всех выходцев из России, независимо от их этнической принадлежности. Автор настоящей статьи придерживается этой же традиции.

эмиграции и все же грешит тем, что «привязывает» судьбу всей русской эмиграции в Китае к истории КВЖД⁵.

Заметим, что степень «закрытости» русской диаспоры в Китае оценивается исследователями по-разному. Так, историк М.А. Павловская, исследовавшая российское востоковедение в Харбине, считает, что эмигрантское сообщество в Северной Маньчжурии представляло собой «...крайне изолированный в культурном отношении монолитный анклав» и не являлось диаспорой, «...поскольку диаспорического сознания у русских не сформировалось». Это утверждение подкрепляется выводом автора о том, что «адаптации, а уж тем более ассимиляции российских эмигрантов в Северной Маньчжурии не произошло»⁶. Культуролог С.А. Черкашина занимает в этом вопросе несколько иную позицию, замечая, что «молодое поколение эмиграции... по-иному, чем старшее поколение, воспринимало столь отличную от европейской древнюю культуру и было готово осваивать и усваивать чужие культурные ценности, сопоставляя их с русской традицией»⁷.

Целью этой статьи является рассмотрение *особенностей* адаптации русских эмигрантов в основных центрах локализации диаспоры — Маньчжурии, Северном Китае и Шанхае. Для ее решения необходимо определиться в основных понятиях. Согласно современному словарю иностранных слов под «адаптацией» понимается приспособление строения и функций организмов к изменяющимся условиям существования. Термином «диаспора» в данной статье обозначается «...этнос или часть этноса, проживающие вне своей исторической родины или территории обитания этнического массива, сохраняющие представление о единстве происхождения и не желающие потерять стабильные групповые характеристики, заметно отличающие их от остального населения страны пребывания, вынужденно (осознанно или неосознанно) подчиняясь принятому в ней порядку»⁸.

Судьба эмигрантской диаспоры зависит от многих внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам, влияющим на процесс адаптации, следует отнести компактность расселения эмигрантов, социальную структуру, общность интересов эмигрантов, уровень их образования и т. п. Внешними факторами интеграции или дезинтеграции диаспоры являются политические, экономические и социокультурные условия, которые предлагает эмигрантам страна-реципиент.

Русская диаспора в Китае не была целостным социальным образованием, так как состояла из нескольких эмигрантских колоний, локализованных в различных (как географически, так и с точки зрения политических, экономических и социокультурных условий) регионах Китая, и не имела центрального органа самоуправления, способного координировать ее жизнедеятельность. В силу указанных выше факторов история каждой из представленных в статье диаспорных групп — в Маньчжурии, Шанхае и Северном Китае — имела специфические особенности.

На момент массового наплыва беженцев русской революции (1920—1922) Китай формально сохранял статус централизованного государства, однако фактически страна была разделена на сферы влияния, где всей полнотой власти обладали местные генералы-милитаристы. Отношение к русским эмигрантам со стороны китайских властей в этот период можно определить как

индифферентное. Занятые междоусобной борьбой властители провинций не препятствовали расселению русских беженцев на своей территории, но и не стремились решать их проблемы. Советское присутствие на КВЖД, гражданская война между Севером и Югом, «нанкинское десятилетие», японская оккупация Маньчжурии, а затем и обширных районов Северного, Центрального и Южного Китая, вторая мировая война и приход к власти коммунистов — таковы основные события, определившие политическую атмосферу, в которой существовала российская диаспора в Китае. К сказанному выше следует добавить, что в рассматриваемый период полуколониальная страна являлась зоной конфликта экономических и политических интересов Японии, с одной стороны, и стран Запада — главным образом Великобритании и США — с другой. С учетом меняющейся политической конъюнктуры, так или иначе влиявшей на положение эмигрантов, историю российской диаспоры в Китае можно условно разделить на пять периодов.

1-й период — начало 20-х годов — 1931 г. включает в себя массовый наплыв беженцев в Китай, стадию выживания, отбор наиболее жизнеспособных элементов и формирование институтов эмигрантской диаспоры (благотворительных, земляческих, корпоративных, конфессиональных и др.) в центрах ее локализации. Политическая ситуация в стране характеризуется нестабильностью, завершившейся в 1928 г. установлением гоминьдановского режима и формальным объединением страны. Для маньчжурской ветви диаспоры — это время советского присутствия на КВЖД, связанное для многих с потерей основного работодателя (дороги), а также конфликт на КВЖД 1929 г., приведший к значительным потерям беженского населения приграничных районов и массовой миграции из зоны военных действий.

2-й период — 1932 — июль 1937 г. характеризуется крутым поворотом в судьбе русской эмиграции в Маньчжурии, это прежде всего японская оккупация региона и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го. Русская «белая» колония оказалась под тотальным контролем оккупационных властей. Оккупация вызвала новую массовую миграцию русского населения из Маньчжурии в районы, остававшиеся вне зоны японского влияния — главным образом в Шанхай и Северный Китай, увеличив тем самым численность местных эмигрантских колоний. Те, кому представилась возможность, уехали из Китая, многие репатриировались в СССР после продажи КВЖД. В этот период структурирование институтов эмигрантской диаспоры в основном завершено.

3-й период — 1937 г. — декабрь 1941 г. обусловлен расширением японской экспансии в Китае и новой волной массовой миграции русского населения. Эмигрантская колония Шанхая достигла пика своего количественного роста за счет мигрантов из зон японского влияния. Очагами спасения «белых» русских, не проявивших лояльности к японским властям, стали иностранные концессии, огражденные от оккупантов правами экстерриториальности. С началом Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии в эмигрантской диаспоре наметилось размежевание на сторонников СССР и тех, кто расценивал эту войну как борьбу с мировым коммунизмом.

4-й период — декабрь 1941 г. — август 1945 г. обозначен участием Японии в войне на Тихом океане, ужесточением оккупационного режима, включением в зону японского контроля резидентов иностранных концессий, тяже-

лым материальным положением населения и эмигрантов, в частности. В связи с Великой Отечественной войной СССР против фашистской Германии на волне патриотических настроений в эмигрантской диаспоре распространенным явлением стал переход в советское гражданство.

5-й период — 1945 г. — середина 50-х годов включает в себя последний этап в истории русской эмигрантской диаспоры в Китае. Это время нового рассеяния русских, их исход из Китая. После освобождения Маньчжурии Советской Армией в августе 1945 г. началась охота на эмигрантов, участвовавших в антисоветской деятельности и сотрудничавших с японцами. Тысячи «белобандитов» и «шпионов» депортировали в СССР, многие уехали добровольно на волне патриотического подъема. Институты эмигрантской общины были разрушены, оставшиеся эмигранты перешли под контроль советского консульства и получили временные советские виды на жительство. В середине 50-х годов русские эмигранты, за исключением немногих оставшихся, покинули Маньчжурию. Одни уехали в СССР на освоение целины, другие отправились на поиски нового пристанища за пределами Китая.

В Северном Китае остатки эмигрантской колонии просуществовали до крушения в 1949 г. гоминьдановского режима в Тяньцзине и Пекине и установления власти КПК. Последним очагом русской диаспоры в Китае оставался Шанхай, оказавшийся центром притяжения беженцев с территорий, занятых коммунистическими войсками. В преддверии взятия Шанхая Народно-освободительной армией Международная беженская организация (ИРО)⁹ устроила эвакуацию русских резидентов. Перед очередным рассеянием по всему свету последним местом компактного расселения остатков русской эмигрантской диаспоры Китая стал остров Тубабао на Филиппинах.

Среди трех названных центров расселения русских беженцев в Китае эмигрантская колония *Маньчжурии* оказалась в особых условиях существования, связанных с присутствием русского уклада жизни в полосе отчуждения КВЖД. Атмосфера российского колониального мира сгладила социокультурный конфликт между беженцами и принимающим обществом. Коренное население страны, привыкшее к присутствию русских в полосе отчуждения, отнеслось к новым пришельцам вполне лояльно. Некоторый приступ ксенофобии в стране был связан с Национальной революцией (1925—1927) и последовавшим за ней объединением Китая под властью Гоминьдана. По этому поводу известный харбинский публицист Л. Астахов заметил, что «почти борьба с русским духом сейчас ведется в Северной Маньчжурии идейными деятелями молодого национального Китая...»¹⁰. Однако острие национально-освободительного движения в большей степени было направлено против японских, английских и других колонизаторов. Жертвы русской революции для мишени антиимпериалистической борьбы годились в последнюю очередь. В то время как в других центрах расселения беженцев процесс адаптации осложнялся незнанием китайского, английского или французского языков, в Маньчжурии языковой барьер ощущался в меньшей степени, так как значительная часть местного населения имела долгую практику общения с русскими и на бытовом уровне владела русским языком.

Присутствие в полосе отчуждения КВЖД развитой инфраструктуры русской колонии ускорило процесс формирования институтов эмигрантской

общины. Другим мощным фактором консолидации беженцев явилось компактное расселение многотысячной массы людей в Харбине и по линии дороги. Русская эмигрантская колония в Маньчжурии была самой многочисленной на Дальнем Востоке и к началу 30-х годов насчитывала около 60 тыс. чел. Однако интеграция эмигрантов в целостное социальное образование (общину) тормозилась непрерывной борьбой многочисленных политических организаций, каждая из них стремилась навязать обществу свою идеологию и лидерство. Близость к советской границе инспирировала рост многочисленных антисоветских группировок, некоторые из которых вели активную подрывную деятельность против СССР.

До японской оккупации в Харбине и других районах полосы отчуждения культивировался духовный порядок и быт дореволюционной России, но эмиграция при этом оставалась разрозненной, не имела единого руководящего центра, способного представлять ее правовые, экономические и культурные интересы перед властями. Между тем в беженской колонии существовало много проблем, требовавших скорейшего решения: неопределенный правовой статус, безработица, низкий уровень жизни. Даже благополучная «Хорватия» не могла обеспечить стартовые условия для многотысячной массы людей, большая часть которых прибыла в Маньчжурию без средств к существованию. Рынок труда в Маньчжурии не был способен удовлетворить резко возросший спрос на рабочие места. Громадное большинство эмигрантов могло рассчитывать только на неквалифицированный труд, но даже и здесь они не выдерживали конкуренции с неприхотливыми и выносливыми китайцами, готовыми выполнять тяжелую работу при мизерной оплате труда.

Несмотря на тяготы беженской жизни, в 20-х — первой половине 30-х годов эмигранты не только сохранили, но и приумножили то, что сделали до них пионеры русской Маньчжурии. В Харбине возникла сеть русских высших учебных заведений, выросло количество общеобразовательных и воспитательных учреждений, расцвело русское театральное и музыкальное искусство, появились новые храмы, успешно развивалось русское печатное слово. Второе поколение эмигрантов, родившееся в Маньчжурии, входило в сотворенный руками отцов мир дореволюционной России.

Японская оккупация Маньчжурии имела двоякое влияние на судьбу русской колонии. Компактно проживавшими на территории Маньчжурии «белыми русскими» спецслужбы Японии заинтересовались задолго до оккупации. С целью установления контроля над эмигрантским населением оккупационные власти создали в Харбине Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, официально объявив его административным органом при правительстве Маньчжоу Ди-Го. С одной стороны, оккупационные власти установили тотальный контроль над эмигрантами, принуждали их действовать в угоду японским великодержавным планам, с другой стороны, создав БРЭМ, они решили проблему объединения эмиграции и сфокусировали ее усилия на насущных проблемах эмигрантского бытия. Таким образом, процесс интеграции беженской колонии в целостный национальный организм завершился под влиянием внешнего политического фактора. В годы оккупации БРЭМ выполняло роль эмигрантского правительства, полномочия которого не выходили за рамки, начертанные хозяевами марионеточной империи. Тем не менее именно

этот институт приводил в действие механизм, обеспечивавший жизнедеятельность и этнокультурное воспроизводство эмигрантской общины.

В *Северном Китае* процесс эволюции эмигрантской колонии в национальную общину осложнялся несколькими факторами. Число поселившихся здесь беженцев было сравнительно невелико. В Пекине в 1927 г. их насчитывалось около 200 чел. Даже в Тяньцзине, сосредоточившем наибольшее количество «белых» русских, в середине 30-х годов их число достигало 6 тыс. с учетом прибывших из Маньчжурии после японской оккупации.

Другим фактором, ослаблявшим связь с общиной, являлось расселение значительной части эмигрантов на территориях иностранных концессий. Только на британской концессии во второй половине 30-х годов проживало более одной трети представителей русской колонии¹¹. Интеграция в европейскую деловую и культурную жизнь, обучение детей в иностранных школах способствовали ослаблению этнокультурного сознания молодого поколения эмигрантов, хотя это и не означало, что они перестали идентифицировать себя с россиянами. Эмигрантская община Тяньцзиня не могла предложить лучшие условия существования по сравнению с благами, которые можно было обрести на европейской концессии, и, соответственно, теряла свое влияние на значительную часть эмигрантов.

Если в Маньчжурии завершение процесса эволюции эмигрантской колонии в устойчивую национальную общину было связано с созданием БРЭМ, то в Северном Китае использованная японцами тактика в отношении эмигрантов не позволила им решить проблему объединения. Русский антикоммунистический комитет, взявший на себя функцию эмигрантского центра, не пользовался сколько-нибудь весомым авторитетом у основной массы русского населения. Из-за расселения значительного числа эмигрантов в британской концессии японцы не имели возможности установить полный контроль над ними вплоть до начала Тихоокеанской войны. Когда оккупационные власти учредили в Северном Китае БРЭМ, до разгрома Японии во второй мировой войне оставалось менее двух лет. На объединение сильно поредевшей русской колонии в крепкую национальную общину уже не было времени.

Вторая по величине русская эмигрантская колония на Дальнем Востоке возникла в *Шанхае*. К середине 30-х годов она насчитывала около 20 тыс., а к началу 40-х годов — около 40 тыс. чел.¹² Решающее влияние на специфику ее развития оказало компактное расселение основной массы эмигрантов на территориях французской концессии и Международного сэттльмента. Муниципальные власти французской концессии приняли деятельное участие в судьбе русских «белых», оказав им материальную и моральную поддержку в тяжелейшие первые годы беженской жизни. Администрация Международного сэттльмента также проявила лояльность по отношению к эмигрантам.

Как и в других эмигрантских центрах, в первые годы пребывания в Шанхае, острой проблемой для беженцев стала безработица. В годы подъема национально-освободительной борьбы в Китае количество безработных русских сократилось ценой штрейкбрехерства, что не могло не вызвать негодования со стороны китайского населения. В то же время хозяева иностранных предприятий, на которых русские заменили бастующих китайцев, имели возможность убедиться в надежности и профессиональных способностях эмигрантов.

Либеральный режим французской концессии и Международного сэттльмента, а также доброжелательное отношение муниципальных властей к «белым» русским способствовали их относительно быстрой интеграции в экономическую и культурную жизнь принимающего общества. По свидетельству главы казачьего Союза И.Н. Шендрикова, уже в 1928 г. в десяти тысячной беженской колонии безработных было немного, а среди казаков таковых не было вообще. К этому времени русские эмигранты стали «...весьма заметной действенной частью культурной и торгово-промышленной жизни Шанхая»¹³.

Структурирование эмигрантской общины завершилось в основном к середине 30-х годов. К этому времени численность колонии увеличилась до 20 тыс. чел. в основном за счет мигрантов из Маньчжурии. До завершения процесса интеграции русского населения Шанхая в монолитную национальную общину недоставало эмигрантского центра, способного сплотить эмиграцию в единое целое. Из-за противостояния различных эмигрантских организаций и группировок в 20-х годах в русской колонии сложилось своеобразное «двоевластие»: функцию представительного органа исполняли сразу две организации — Комитет защиты прав и интересов русских эмигрантов и Эмигрантский комитет. В дальнейшем роль общеэмигрантского центра брали на себя Русская национальная община, Совет объединенных русских организаций (СОРО), Русский национальный комитет. К началу 40-х годов статус руководящего центра эмигрантской колонии утвердился за Российским эмигрантским комитетом, пользовавшимся лояльностью со стороны японских оккупационных властей. На заключительном этапе истории русской эмиграции в Шанхае ее интересы в гоминьдановском Китае и на Филиппинах представляла Российская эмигрантская ассоциация (РЭА).

Удаленность от границ СССР, а также либерально-демократическая атмосфера французской концессии и Международного сэттльмента не создавали почвы для активной деятельности антисоветских группировок и экстремистов типа фашистов Родзаевского. До начала войны на Тихом океане в Шанхае сложились благоприятные условия для существования демократического крыла «белой» эмиграции. В целом же политическая жизнь русской колонии интенсивностью не отличалась.

Интеграция в экономическую и культурную жизнь французской концессии и Международного сэттльмента, а также ставшие привычным явлением международные браки способствовали накоплению норм и представлений западной цивилизации в менталитете значительной массы эмигрантов. Особенно это касается второго поколения, получившего образование в иностранных учебных заведениях. В Шанхае, как впрочем и в Тяньцзине, было немало русских детей, не говоривших по-русски. Тем не менее в интернациональном мире города-космополита русская колония сохранила свое этнокультурное своеобразие, продемонстрировав, с одной стороны, жизнестойкость, с другой — адаптивную пластичность в условиях меняющейся политической и экономической среды.

Оказавшись в эпицентре политических коллизий, русская диаспора в Китае не получила возможности пройти положенный ей эволюционный путь. Предпринятое автором исследование показало, что развитие трех главных очагов эмигрантской диаспоры — в Маньчжурии, Северном Китае и Шанхае —

имело специфические особенности. С оговоркой на вмешательство внешнего фактора можно говорить об образовании во второй половине 30-х годов устойчивой национальной общины в Маньчжурии. Близко к стадии зрелой общины подошла эмигрантская колония Шанхая. В Северном Китае почвы для создания общины как организующего центра диаспоры не сложилось.

Какой могла стать дальнейшая судьба русской диаспоры в Китае, не вмешайся в процесс ее развития политический фактор? Как утверждают этнологи, в перспективе зрелая диаспора имеет два варианта эволюции: 1) ассимиляция, растворение в принимающем обществе; 2) превращение в этнокультурную группу, являющуюся органичной частью страны проживания¹⁴. Учитывая длинную культурную дистанцию между Россией и Китаем, можно предположить, что будущее русской диаспоры должно было пойти по второму пути. При этом следует брать во внимание вероятность ассимиляции некоторой части представителей второго поколения эмигрантов. Прежде всего это относится к детям от смешанных браков, а также к резидентам иностранных концессий, получившим западное образование и глубоко интегрированным в культуру западного общества.

¹ Тарле Г.Я. Научный симпозиум по проблемам истории адаптации российских эмигрантов // Отеч. история. 1995. № 5. С. 198—200.

² См. об этом: Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) М.: ИВ РАН; Изд-во «Крафт+», 2001; Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX—XX вв.: Сб. статей / Под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М.: Институт российской истории РАН, 2001. С. 9—44; Дятлов В. Диаспоры: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8—23; Милитарев А. О содержании термина «Диаспора» (к разработке дефиниции) // Там же. С. 24—33.

³ Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917—1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: «Золотая буква», 2002.

⁴ Павловская М.А. Харбинская ветвь российского востоковедения (начало XX в. — 1951 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1999.; Гончарова Н.В. Культура российской эмиграции в Харбине (опыт историко-культурологического анализа): Автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2002.; Черкашина С.А. Культурная деятельность русской эмиграции в Китае (1917—1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2002.

⁵ Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: БГУ, 1999.

⁶ Павловская М.А. Харбинская ветвь... С. 20.

⁷ Черкашина С.А. Культурная деятельность... С. 18.

⁸ З.И. Левин. Менталитет диаспоры... С. 5.

⁹ Транслитерация английской аббревиатуры IRO — International Refugee Organization.

¹⁰ Заря. 1929. 27 нояб.

¹¹ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 218. Л. 1.

¹² Jones F.C. Shanghai and Tientsin. San-Francisco New York Honolulu, 1940. P. 117.

¹³ The Bancroft Library, University of California, Berkeley, USA. Peter P. Balakshin Papers. Box 1. F 27.

¹⁴ Заря. 1928. 9 сент.

SUMMARY. The author of the article “The Russian Community in China” Elena Aurilene focuses on adaptation of Russian diaspora in China in 1920—1950s. The author underlines that the history of Russian emigrant colonies, located in different parts of China — in Manchuria, Shanghai and Northern China, had its own peculiarities, defined by specific political, economical and cultural conditions of those regions as well as some inner factors such as quantity of refugees and compactness of their settling.